

Марину Степнову издатели представляют, прежде всего, как прозаика, автора романов «Сад», «Женщины Лазаря», «Хирург», «Безбожный переулочок»; лауреата премии «Большая книга». Премия, заметим, престижная, солидная, призванная

отмечать наиболее значительные произведения отечественной словесности. Книги Степновой переведены на двадцать с лишком языков. А издательство АСТ пометило томик «Женщины Лазаря» уточнением — «Эксклюзивная новая классика».

Тиражи её книг (3–4 тысячи экземпляров) по нынешним временам немалые, и это определённо свидетельствует о читательском спросе. Значит, в самом деле — не рядовой автор. Произведения Марины Степновой (имея в виду крупные формы) — действительно романы. Со сложной, тщательно выстроенной композицией, с героями, чьи судьбы прослежены весьма основательно, с достоверным историческим фоном — словом, всеми атрибутами жанра. Но, наверное, главное, что сразу завораживает и невероятно привлекает, — прекрасный, образный язык, органично используемая метафоричность, богатая лексика.

Ну вот, например, так: «Бланж ложился рядом с киноварью, кресла цвета гри-бискр перемигивались с офитовыми колоннами — всё, всё шло в дело: орнаменты, оттенки, даже переплетение теней — так что гости, расположившись в гостиной Борятинских, чувствовали, что оказались в каком-то ином, лучшем месте, среди иных, лучших людей. И только Надежда Александровна знала, что дело не только в изумительных пропорциях залы, не только в жиразоловом шёлке, которым были обтянуты стены (три, три месяца она искала цвет, передающий подлинные опаловые переливы), но и в ресницах горничной девушки, входившей в нужный момент с подносом, на котором сиял крошечный кофейник на спиртовке, украшенный синим живым огоньком...» («Сад»)

Эта избыточная, может быть, словесная живопись, однако, не

имеет ничего общего со свойственным «дамским» романам обилием ненужных бытовых подробностей, имитирующих жизнеподобие. В ней угадывается прежде всего глубокое знание материала, с которым автор погружает читателя в атмосферу барского поместья XIX века или советского быта конца XX, собственная фантазия писательницы, её поэтический background, так сказать. Словом Марина Степнова владеет мастерски! При этом писательница не боится в случае надобности применять лексику ненормативную, или, как выражаются филологи, обсценную. Делает она это, что очевидно, не для эпатажа и не для того, чтобы продемонстрировать широту языковой палитры, а лишь в тех случаях, когда того требует характер персонажа. И добивается убедительности образа или пущей эмоциональной выразительности авторской речи. С персонажами у Степновой всё не так просто, как обычно обстоит у прозаиков средней руки. Героиня романа «Сад» — княгиня Надежда Александровна Борятинская. На свет появляется неприлично поздно (для светской дамы, бывшей фрейлины императрицы) родившаяся дочь Наталья, Туся. Странный, ни на кого не похожий ребёнок. Вокруг них вьётся, окружая заботой и вниманием доктор, немец Григорий Иванович Мейзель, врач, «повинующийся совести и долгу». И вот он-то становится, по сути, центральным персонажем, постепенно оттесняя на второй план женщин. Историю героя писательница начинает со второй главы,

в которой повествует о том, как его пращуров, несчастных немчинов, занесла судьба в дикую, варварскую Московию. И так это живо, жёстко, что вспоминаются платоновские «Епифанские шлюзы», хотя ни о каком подражании, конечно, нет и речи. «Мейзелли были упрямы, потому и две с лишним сотни лет спустя оставались немцами, не смешиваясь с русским миром, как не смешиваются уксус и масло».

И вот последняя ветвь этого немецкого древа, Григорий Иванович — на самом деле Георг Иоганн — «подданный самой могучей в Европе империи, коренной москвич, ремеслу обучившийся в столичном Петербурге, лекарь бог знает в каком поколении, последний Мейзель — ненавидел власть в любом её проявлении... Самодержавие ненавидел, а снег любил...»

Этот ненавидящий всякую власть лютеранин и в княжеском поместье ощущает себя свободным человеком; он может бесцеремонно ответить князю, отвесить пощёчину растерянной княгине, командовать в доме, никакими привилегиями при этом не пользуясь. Всё подчинено Тусе, доктор становится ей нянькой и воспитателем, едва ли не полностью заменяя отца и мать; в девочке сосредоточивается весь смысл его земного существования. Маленькая княжна всецело подчиняется обожаемому ментору, её мать следует всем советам немца и незаметно из великосветской дамы становится прагматичной русской барыней. Земский доктор, патологически брезг-

ливый к грязи крестьянских изб, но безотказно лечивший и взрослых, и детей, остаётся, однако, чужаком для всех. Челядь Борятинских его на дух не принимает: «Мейзель был им никто, немчура, даром что учёный». Он и умирает в конце романа в одиночестве: Россия, где прожил он всю жизнь, так и не стала ему отечеством. В одной из аннотаций о романе сказано: «история о том, как трудно быть свободным человеком в несвободном мире».

Так же свободен герой другого романа Марины Степновой — великий физик и математик Лазарь Линдт. Явившийся в послереволюционную Москву из невесть какой глухомани, жалкий провинциальный юноша приходит к светилу науки профессору Чалдонову и становится не просто учеником его, почти членом бездетной семьи, а продолжателем дела крупного русского учёного. Линдт оказывается в числе самых именитых профессионалов, занятых в ядерном проекте, он осмеливается спорить с самим всемогущим Берией! Можно только гадать, были ли у героя Марины Степновой прототипы. Да это и не важно: среди советских учёных встречались те, кто не боялся высказываться весьма откровенно и рискованно. Вспомним хотя бы Льва Ландау или Петра Капицу, не говоря уже об Андрее Сахарове. Впрочем, о самом Лазаре, как это следует уже из названия романа, мы узнаем не так много; автора больше занимают женщины, которых он любил. Внучка академика, рано осиротевшая Лидочка, растёт в его доме,

когда самого Линдта уже нет в живых. О знаменитом деде она почти ничего не знает. Галина Петровна, которую в 18 лет против воли выдали замуж за старого академика, ненавидит мужа и терпеливо ждёт его кончины, чтобы устроить жизнь по своему вкусу. Маруся, Мария Никитична, жена его друга и наставника Чалдонова, которая сердечно приветает нищего бездомного паренька. Женщина редкой душевной красоты и щедрости, принимающая и согревающая обездоленных и страждущих в тяжкие военные годы.

Портреты «женщин Лазаря» у писательницы получились убедительные и контрастные. Обожаемая академиком Галина Петровна — холодное чудовище, равнодушное к людям, даже близким — сыну, внучке. Маруся, предмет платонической любви Линдта, — идеал христианского человеколюбия.

Но вот что нельзя не заметить. Марина Степнова как внимательный учёный хладнокровно исследует каких-то букашек — своих персонажей. Она не очень-то любит их. Не слишком соперничает. Душевные движения героев писательница добросовестно показывает — чисто внешне, пунктиром сюжета, скорописью, не углубляясь в таинственные дебри психологии. Может быть, оттого что писательница откровенно не переваривает Достоевского и не желает следовать традициям «жестокоталанта». Пару раз у неё срываются весьма уничижительные оценки. «Самые пронырливые и сметливые уже привычно прила-

живались, приспособивались, притирались — кто к торговлишке, кто к стремительно обесценивающимся деньжатам, кто к невиданным прежде должностям — потихоньку, помаленьку, как говаривал зоологический антисемит и по совместительству великий русский писатель — тихими стопами-с». Или такое: «В дом зачастили какие-то приванивающие Достоевским юродивые старички-коллекционеры...» Надо сказать: у Степновой были единомышленники. Критически, если не сказать резче, относились к писателю некоторые из наших великих соотечественников. В. Катаев в «Траве забвения» приводит высказывания Бунина. «Ненавижу вашего Достоевского! Омерзительный писатель со всеми своими нагромождениями, ужасающей неряшливостью какого-то нарочитого, противоземного, выдуманного языка, которым никогда никто не говорил и не говорит, с назойливыми, утомительными повторениями, длиннотами, косноязычием... Он всё время хватает вас за уши и тычет, тычет, тычет носом в эту невозможную, придуманную им мерзость, какую-то душевную блевотину. А кроме того, как это всё манерно, надуманно, неестественно...» М. Горький в 1913 г. заявлял: «Неоспоримо и несомненно: Достоевский — гений, но это злой гений наш. Он изумительно глубоко почувствовал, понял и с наслаждением изобразил две болезни, воспитанные в русском человеке его уродливой историей, тяжкой и обидной жизнью: садическую жестокость

во всём разочарованного нигилиста и — противоположность её — мазохизм существа забитого, запуганного, способного наслаждаться своим страданием, не без злорадства, однако, рисуясь им пред всеми и пред самим собою. Был нещадно бит, чем и хвастается... Достоевский — сам великий мучитель и человек большой совести — любил писать именно эту тёмную, спутанную, противную душу...» В. Набоков в лекции о Достоевском утверждал: «Безвкусица Достоевского, его бесконечное копание в душах людей с префрейдовскими комплексами, упоение трагедией растоптанного человеческого достоинства — всем этим восхищаться нелегко. Мне претит, как его герои “через грех приходят ко Христу”, или, по выражению Бунина, эта манера Достоевского “совать Христа где надо и не надо”».

В самом деле, «тайновидец духа», по определению Д. Мережковского, крайне неоднозначен, — и как писатель, и как мыслитель. Следовать ему сегодня и в творческом, и в духовном отношении — бесперспективно, что и утверждает своими произведениями Марина Степнова. Однако — сознательно или невольно — писательница испытала некое воздействие Фёдора Михайловича, что при внимательном чтении можно почувствовать. Бедные люди! — И у Степновой они — бедные, странные люди!

У её героев, как и у героев «архискверного» Достоевского, сложные отношения с Богом. Так, доктор Мейзель «не опустился до старцев

и чудотворных икон только потому, что всю жизнь предпочитал беседовать с Богом лично — каждый вечер, коротко, по существу. Отчитывался, не оправдываясь, не прячась, не умалая. Но взамен требовал той же честной ясности, к которой привык сам. Уважения, в конце концов. И что же? Господь молчал — упрямо, насупленно, тяжело. И тогда Мейзель перестал с ним разговаривать. Просто вычеркнул Бога из своей жизни».

Героиня рассказа «Старая сука» Джульетта Васильевна так общается с Богом: «Я не умру, — сказала она громко, почти с вызовом, глядя на иконостас в углу комнаты. — Не умру. Мне нельзя. Ларочка ещё слишком маленькая, слышишь? Бог не ответил — единый, размноженный на деревянные, плоские, смуглые лица. Он никогда не отвечал Джульетте Васильевне. Может, и другим тоже не отвечал, она не знала, но не отвечать ей — это было хамство и неуважение, и за это Джульетта Васильевна ненавидела Бога отдельной от других, особенной ненавистью, замешанной на униженном, каком-то щенячьем страхе». Эти персонажи Марины Степновой — не достоевские богоборцы, вроде Ивана Карамазова и Кириллова, или сияющие святостью Алёша и старец Зосима. Они просто не знают Бога, не ходят с Ним общего языка. Лазарь Линдт «был однозначный атеист, убеждённый ревнитель базаровского лопуха. И, как ни странно, именно ощущение безусловной смертности, конечности земного существования дарило ему то же самое ровное и ра-

достоевское бесстрашие, которым горели первохристианские мученики... Впрочем, к старости атеизм Линдта начал слегка горчить и выдыхаться, словно рассохлись какие-то резиновые прокладки, притиравшие пробку — ту самую пробочку над крепким йодом, и Линдт не то, чтобы стал верить — скорее, просто устал сомневаться». В отличие от ненавистного Достоевского, заявлявшего декларативно: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой», Марина Степнова — абсолютный, последовательный реалист. Глубины души — ни к чему. Никаких вам видений, чертей, раздвоения личности, Великих Инквизиторов и прочих нелепых фантазий. Всё как нельзя более предметно, ощутимо конкретно. Порой буднично, приземлённо, о высоком размышлять просто некогда. Учёный Линдт — с головой в науку, ну разве что любовь к красавице Галине Петровне... Немец Мейзель, хотя бы в силу профессии — человек сугубо земной. На вопрос княгини Борятинской, читал ли он «Войну и мир», доктор отвечает: «Я не читаю ерунды. И вам не советую».

Виктор Радович, персонаж романа «Сад», сдружившийся с «террористом» Александром Ульяновым, бежит от возможного наказания куда глаза глядят — и оказывается в поместье Борятинских, где становится кем-то вроде управляющего. И начинает спокойную, размеренную жизнь. Женится на богатой

княжне. Впрочем, эта сюжетная линия романа, на мой взгляд, несколько искусственна. Никчёмного Радовича каким-то ветром занесло на страницы «Сада» потому, вероятно, что автору понадобилось предложить самодостаточной и волевой Тусе безликого и покорного мужа.

Ужасные, какие-то нечеловеческие отношения царят в романе «Безбожный переулочек». Семья главного героя, Ивана Сергеевича Огарёва, уродлива. Отец не любит мальчика, а тот в ответ ненавидит отца. Мать — безликая, несчастная — ничем не компенсирует сыну отцовскую нелюбовь. Огарёв страшно одинок, замкнут в себе. «Он был словно спрятан в самой глубине идеально отшлифованной ледяной глыбы. Видно отлично, но, как ни ощупывай, как ни прорывайся, ладони наталкиваются на гладкое, холодное, неживое. Теплел — только когда смотрел на пациентов». Огарёв становится врачом, причём — врачом первоклассным. Его ценят, ему верят безоговорочно, к нему на приём ломятся. Иван Сергеевич женится на такой же неприкаянной и несчастной Анне. И, прожив с нею с десяток лет, бесповоротно теряет голову, влюбляется в Малю, странную, непонятную красавицу, тоже лишённую родительской любви и тепла. И чем кончается это счастье? Маля как-то немотивированно, загадочно кончает с собой, оставив Огарёва мучиться, терзаться в догадках... Автор не понаслышке знаком с миром медицины — недаром некоторые из её персонажей — врачи. Видимо, имеют

место отзвуки несостоявшейся профессии самой Марины Степновой. Что ж, понятно и закономерно! Не забудем, что докторами были Вересаев и Чехов, Булгаков и Аксёнов. Несомненно, знание особенностей человеческого организма помогает проникнуть и в тайны психики. Не случайно первый роман писательницы назывался «Хирург», хотя речь в нём шла отнюдь не только о врачевании... Выскажу такое соображение. В прозе Марины Степновой преобладают странные люди. Возьмём сборник рассказов «Где-то под Гроссето». Бедная Антуанетточка из одноимённого рассказа — несчастное, некрасивое, совершенно одинокое существо, обречённое находить радость в чтении книг в сочетании с примитивным гурманством. Ника, героиня рассказа «Романс», связавшаяся с ничтожным и откровенно мерзким типом, легко сообщает родителям — развелась с мужем. Зачем было это замужество? А уж женские образы рассказа «Старая сука» — просто набор каких-то нравственных калек. Столь же странны персонажи рассказа «Покорми,

пожалуйста, Гитлера», в поступках которых нет ни внятной логики, ни морали. «Я для себя пишу, это совершенно точно. И всегда так было», — заявляла писательница в интервью. И признание это — характерно и знаменательно. Марина Степнова с удивительным мастерством вышивает словесные кружева, не заботясь об убедительности событийной стороны, не задумываясь о катарсисе, которого требует душа читателя. Её, похоже, захватывает сам процесс писательства, строительства художественных замков.

Наш известный литературный критик (не первым, правда) заметил: «Столкновение идей составляет эстетику, этику и драматизм, доходящий до трагизма в сочинениях Достоевского». Марина Степнова благополучно избежала не только столкновения идей и философских концепций, но и вообще обошлась без таковых. Просто демонстрирует нам галерею странных, бедных людей, коих и в самом деле вокруг достаточно. Жалеет ли своих персонажей писательница? Не знаю. Но так хочется их пожалеть!..